

КРУГ ИСКАНИЙ

ПОВЕСТЬ «Люди или не люди», похоже, замкнула собой незримый круг человеческих исканий Владимира Тендрякова. В круг этом, конечно, еще много пробелов, но часть из них заполнится, думаю, новыми публикациями, часть невосполнима в силу того, что писатель просто не успел, а часть и не могла быть заполнена, ибо есть вещи, видеть которые современникам не дано... Что ж, палеонтологи восстанавливают внешний вид животных, часто не имея полных скелетов, условно восполняя пустоты металлической арматурой. Что-то подобное все время проделываем и мы в собственном воображении, сясь понять друг друга, пробуя осмыслить окружающую нас реальность.

Мир и человек, человек и реальность — главные герои прозы В. Тендрякова. Проза эта документальна настолько, насколько может быть документальной человеческая память. Именно память восстанавливает здесь время и место действия, помогает выстроить сюжет, расставить акценты — так кажется на первый взгляд. И автор не скрывает этого:

«По детским слодам иду сейчас, сорон с лишним лет спустя, иду зрелым и весьма искушенным человеком. А потому пусть не удивляет вас трезвая рассудочность моего изложения» («Пара гнедых»).

Подобные авторские оговорки принято проскакивать взглядом в тексте, просто отмечая их наличие, принимая как вежливость. И напрасно. Оговорка В. Тендрякова, по размышлению, может рассказать о многом, стоит только задержаться на ней, вдуматься и удивиться, вопреки авторской просьбе. Потому что, согласимся, «детские следы» и «трезвая рассудочность» — не самое естественное сочетание в этом мире, не говоря уж о том, что память, поверенную трезвым рассудком, вообще следует называть как-то иначе, и если писатель уровня В. Тендрякова идет на такую aberrацию да еще и заявляет ее как метод, то у него, по-видимому, есть к тому весьма серьезные основания.

Есть ли они у В. Тендрякова? Да.

Автобиографичность его прозы — не цель, а только способ ее существования... Различать это крайне важно. Мера развороненной здесь личной памяти писателя (или его лирического героя) определяет меру достоверности этой прозы и, как следствие, меру доверия к ней читателя. Но существует еще сверхзадача, она-то и требует от писателя деформации памяти с помощью не только своей собственной, но еще и заемной рассудочности (такой, скажем, как «документальные реплики», итожакшие многие из рассказов). Конечно, подобная деформация приводит к чисто художественным потерям, внося в текст излишнюю аналитичность, выстроенность, местами даже схематизируя его (взять ту же дуэль взглядов с последующими авторскими размышлениями в рассказе «На блаженном острове коммунизма»). И все же писатель идет на это. Идет, полагая, вполне осознанно, и основным аргументом здесь оказывается не то, что жизнь одного отдельно взятого В. Тендрякова не сложилась, а то, что, не сложившись, она в главных своих изгибах и коленах совпала с жизнью народа, страны. Личный опыт писателя В. Тендрякова здесь оказался равен социальным опытам того народа, который он, В. Тендряков, представляет — во имя правды, во имя того же народа, во имя себя самого, наконец, во имя спасения своей души, своего разума.

Столь сложная оптическая система авторского зрения, совмещающего два — детский и взрослый — жизненных опыта два восприятия мира, два времени, наконец, нужна В. Тендрякову не просто для того, чтоб достоверно воплотить мир в художественных образах: речь здесь идет о большем: о том, чтоб показать нам главный закон существования этого мира — одновременность и неделимость всего происходящего в нем. Мир, пропущенный сквозь такую систему, обнаружив собственную ущербность, по замыслу, должен ответить на вопрос — почему? Страшные безобразные судьбы героев, населивших этот мир, призваны помочь ему с ответом должны перевести его ответ на язык, доступный нам. Наша проблема заключается в том, чтоб уловить и выделить для себя закономерность в происходящем. Это наш шанс остаться людьми, потому что мир прозы В. Тендрякова — дремучий, немислимый! — это наш мир. Другого у нас нет.

ФОРМАЛЬНО все начинается здесь в 29-м («Пара гнедых»), и на самом деле, конечно, раньше. Лето Деревня. Коллективизация. Забиточный крестьяне под присмотром Советской власти обмениваются имуществом с нището деревенской, с голыми перекатой Вселяется одуревший от счастья Ваня Акуля в хоромы первого богатея, осуществляя мечту о равенстве. И недосуг ему помыслить при этом: свою мечту осуществляет он или марионеткой пляшет в чужих руках? Да и не в привычку ему мыслить тем более когда даром, почти с небес, падает такое богатство. Но бог с ним. Куди

Владимир Тендряков. «Пара гнедых. Хлеб для собаки. Параня. Донна Анна». Рассказы. «Новый мир», № 3, 1988. «Охота». Рассказ. «Знамя», № 9, 1988. «На блаженном острове коммунизма». Рассказ. «Новый мир», № 9, 1988. «Люди или не люди». Повесть. «Дружба народов», № 2, 1989. Подготовка текстов и публикации Н. Асмоловой-Тендряковой.

страшней, что не до мыслей, оказывается, и там, кто затеял это великое переселение. Вот один из них кивнет подбородком в сторону очередного раскулаченного и произнесет с чувством:

«Именем бога тыщи лет словаса плели, а мы действуем... Вон! Поглядите, как выступает. Хорош! Слов нет. А вон этого хорошего без лишнего слова с плохим Ваней Акулей поровняли. Не речи о равенстве толкаем, а делом занимаемся...»

До мыслей ли тут, действительно, когда дел столько вокруг...

Пылит дорога под колесами скрипучих повозок, «...висит красная пыль в воздухе». Торжествует долгожданная социальная справедливость, кто-то радуется ей, кто-то не очень, но все понимают, что было одно время, а вот теперь другое... Одна только скотина неразумная, возвращаясь после выпасов, никак уразуметь не может, что же произошло в селе, — упрямо тычется в запертые уже для нее ворота родного хлева. Ну да что с нее спросишь?..

Что же до дел и до людей, кого эти дела коснулись, то Ваня Акуля быстро проплет крышу с кулацкого дома («Все живут под деревянными, а я под железной — не жий-лаю!») и пойдеть-зашатается вдоль улицы «на подламывающихся ногах, развесив длинные руки, неестественно большоголовый от напьяленной лохматой шапки, — нескладное насекомое».

И, глядя ему вслед, запричитает чужими словами сельский старец, дед Санко Овин:

«Ох-хо-хо! И вышла из дыма саранча на землю, и дадена была ей власть, кою имеют скорпионы...»

И Ваня Акуля, развесив по сторонам руки-грабли, сплешет уже не в фигуральном (марионеткой в чужих руках), а в самом натуральном виде да еще и куплетец исполнит:

И-и-и, лапти мои —
Скороходики!..
Все мы вышли из семьи —
Из народика!

Куплет, конечно, неприличный. Еще вчера, думаю, его истолковали бы как пародию, а то и как пасквилли на революцию. Сегодня мы уже, слава богу, кажется, твердо усвоили, что ни пародию, ни пасквилли на революцию «вследствие ее чрезвычайной грандиозности» (М. Булгаков) написать все-таки невозможно.

Не занимался этим и В. Тендряков. Если описанные в рассказе события имеют при непосредственном отношении к революции откровенно фарсовую окраску, то лишь оттого, что это признак реальности тех лет — дикой, алогичной, аномальной... Хотя и радостной, наверно, по-своему. Но в том-то и дело, что сама по себе реальность для В. Тендрякова — только исходная точка запланированного движения. Что-то сродни шахматной доске с расставленными фигурами — главное еще не началось...

Главное начинается в прозе В. Тендрякова с любой фразы. И происходит это оттого, что строится его проза по законам параллельного, а не последовательного развития. Одновременность и неделимость сущего, воспринимаемые художником, диктуют ему законы воплощения мира в слове. Оттого и ощущение, оставленное прозой В. Тендрякова, сродни холодному ожогу. Ее обжигающая оболочка

(детское восприятие мира), поверенная рассудком взрослого человека, несет в себе мощный аналитический заряд, но сознательное подключение к нему, зрячее движение вслед за автором требуют от читателя значительного напряжения духовных и душевных сил. Здесь действительно нет ничего случайного, проходного, выращенного «забавы для». И если закат на улице раскрашивает пыль в красный цвет, его не заменишь рассветом, потому что тогда рассыплется все остальное, и если хмельной Ваня Акуля вздумал плясать перед Советской властью да еще и куплет ей спеть для забавы, то важно не только расслышать в этом куплете революционную «тему для импровизации» («Смело, товарищи, в ногу...»), но и задуматься, отчего взяты оттуда именно строки: «Вышли мы все из народа — дети самая трудовая...».

За фарсом спрятаны серьезные вещи. Собственно, и сам фарс здесь на поверхность оказывается очередным, уже запредельным витком трагедии. Попытка искусственного, бездумного деления изначально неделимого мира и стремление к утверждению нового для него состояния в качестве нормы — по В. Тендрякову, необходимое условие, с которого начинается ЗЛО! Ибсен когда-то писал, что годы и годы порой нужны человеку для того, чтобы понять наконец, что лучше не удивлять мир, а жить в нем. Писал, конечно, не имея в виду наш социальный опыт, в отличие от В. Тендрякова. Теперь эта незамысловатая истина, кажется, имеет шанс стать достоянием целого народа. В. Тендряков открывал для себя ее больно, мучительно.

НИЧЕГО, кажется, не изменится на селе от «перестановки слоговых». Ваня Акуля, пролив крышу с дома, пожалованного ему Советской властью, вынужденно вернется в исходное состояние, под деревянную крышу, «как все». А Мирон Богаткин, второй из облаченных здесь «голодранцев», напротив, закрепится в новых для него стенах, приняв происходящее переселение тел за счастливый случай, на слишком задумываясь о процентах, которые взыщутся с него за пользование этим случаем. И хотя впоследствии мы не сумеем его различить среди раскулаченных, мрущих на богом забытой станции в рассказе «Хлеб для собаки», он будет там, потому что нет и не могло быть у него другого пути.

Но это — после, а пока кулацкие дома, равно как и лачуги бедноты, по-прежнему заполнены, а что до имен их новых владельцев, то есть ли на самом деле разница кому-нибудь, кроме самих владельцев, — Мирон Богаткин живет теперь под железной крышей или по-прежнему Федор Коровов?!

Есть, и громадная. В одном из последующих рассказов («Донна Анна») В. Тендряков напишет «говорящий» пейзаж:

«Тускло-серая, ржавая степь, понатая, словно школьная парта. В ее неторопливом, упрямом устремлении к небу есть что-то щемляще жалкое, обожженное, неприятное, тянется к непорочно чистому, недоступно высокому — нищета, мечтающая о величии».

Как он сродни, этот среднерусский пейзаж, тому же Мирону Богаткину, дро-

жащему от нетерпения и предчувствия небывалой удачи, тянущегося к непорочно, к божественно чистому, к недоступно высокому для него еще вчера, — к коням. Он согласен заплатить за них любую плату и потому бормочет полубезумное:

«А ведь я соглашусь, Антон Ильич, любый. Меня — на коней?.. Покупай! Соглашусь!»

Оказывается, нельзя просто так, без последствий, взять и пересадить человека с одной почвы на другую. Оказывается, наряду с экономическими и социальными законами, правящими нами, есть еще множество невидимых нашему материалистическому сознанию нитей, связывающих человека с окружающим его миром, определяющих точное соответствие их друг другу: мира — человеку и наоборот. И эти нити эти сходятся, фокусируются где-то внутри человека в единую светящуюся точку. Старые люди называли ее богом, душой. Ее не вырастишь заново, переменить обстановку снаружи себя, — что-то нарушается от этого, и душа убывает, уходит из человека, делая из него безбожника...

Слишком часто вполне атеист В. Тендряков произносит в своих рассказах слово «бог», чтоб это было случайностью:

«все равны перед богом...»; «именем бога тыщи лет слова плели...»; «богоподобное движение...»; «Бога нельзя не любить...».

В этом контексте гордая фраза героя: «На было в мире справедливости — она есть! И устанавливает ее здесь в селе мой отец» — кажется просто прозаическим переложением строк Б. Слуцкого:

И Бог — усталый древний старик,
Прячущийся в облаках,
Выл заменен одним из своих
В хромовых сапогах.

Теперь много говорят и борются с последствиями этого «переселения душ», не думая по-прежнему о том, что, если и этот, «в хромовых сапогах», будет-таки вытравлен из нас в очередной раз, его место должен занять другой — не может оно пустовать в человеке! Ставя (в который раз!) благую цель, мы пользуемся прежними средствами в ее достижении. Не вытравливать нужно — замещать, выдвигая по капле, с помощью все той же, так и не пригодившейся нам до сих пор триады «разумного, доброго, вечного».

РАССКАЗ В. Тендрякова «Параня» можно и нужно, конечно, воспринимать как драму общества и драму человека в нем. Трагедия вновь достигает здесь такого накала, что уже не понять: смеяться нам или плакать, следя за происходящим, но как бы то ни было — не забыть, ни в коем случае не забыть, что и здесь главное не трагифарс, бьющий в глаза («Сталин и Параня! Смешно?... Нет, страшно»). Главное то, как дикая, скалящаяся толпа травит блаженную дуручку, которая — помнить, помнить! — едва появившись в поселке, на вопрос «Кто твой жених?» отвечала простодушно не «Сталин», нет, отвечала: «А сын божий Иисус Христос, вот кто». Помнить «хочущее колесо» жарких, опаленных травлей физиономий вокруг Парани, вытalkingующих ее из человеческого общества (если оно смеет так называться), лепящих своими руками себе приговор — Паранино отчаянное: «Вот уж... Сталину... Родному и любимому... Уж он вас... врагов народа»... А после прячущихся, бегущих в ужасе и указующего перста юродивой, легко предающих один другого, поспешно отступающих от соседа, лихорадочно оправдывающих для себя дикость происходящего, спокойной называющих трупы «адмо-высланных» — трупы людей, умерших от голода прямо в поселке среди себе же подобных, — «падальщицей» или рассуждающих со значением:

«— Сравнила, кума, шильца с рыльцем. Одно дело там Христос, другое — сам товарищ Сталин...»

— А чего бы не сравнить? Христос богом был, ну да уж выше, тыщу лет на него молились».

Дескать, нет для товарища Сталина выше сравнений, и рады б, да нет...

Считается, что действительное прочтение художественного произведения невозможно без самоотжествления читателя с кем-нибудь из героев. С кем без усилия мы можем отождествить себя здесь? Не хочется возсе...

ЛЕГКО заметить, что раз за разом а фокус писательского зрения В. Тендрякова попадает, в сущности, одна и та же ситуация, в которой человек выталкивается из общества себе подобных, становясь отщепенцем, презращаясь в дичь. На одной доске здесь оказываются кулаки из «Пары гнедых» и ребенок из «Хлеба для собаки» — «дурной, неистривимый мальчишка», жалеющий своих врагов. Здесь же поодаль и «божья невеста» Параня вместе со всеми, на кого указал ее палец, и капитан из «Донны Анны», жалеющий солдат, и его убийца Галчевский, сидящий на краю окопа и воющий дико от осознания содеянного. Здесь же герои «Охоты», постаревшие рабкоры Семен Вейсах, Юлий Искин, Саша Фадеев, и уходящая с «блаженного острова коммунизма» Маргарита Алигер, и добровольно примкнувший к ней Валентин Овечкин, и все остальные герои рассказов В. Тендрякова, которых я не называл, — здесь.

Здесь каждый из нас, так же, впрочем, как и в травящей своре. Весь ужас происходящего в том, что человек выталкивается из общества себе подобных! Сегодня он дичь, а завтра, если уцелел, скалится, завывая: «Ату!»

Так выглядела модель нашего общества по В. Тендрякову. И возразить ему, в сущности, нечего. Подспудное понимание писательской правоты, думаю, и мешает читательскому самоотжествлению. Когда мы говорим сегодня о сталинщина, мы должны четко понимать, что сюда включается именно такая модель — жизнь, завещанная нам прошлыми поколениями, жизнь, которая учит нас любить «далеких негров и испанцев» и ненавидеть ближних своих, в которой «...легко крикнуть: «Ату!», почти невозможно: «Побойтесь бога!». Безопасно гнать дичь, опасна ее спасать». Мы должны видеть это! Мы обязаны видеть, в какие «игры» играет каждый из нас, оправдываясь необходимостью — житейской ли, классовой ли, политической. Мы должны знать цену каждому противостоянию, каждой охоте. Мы должны помнить, что противостояния эти равно гибельны и для дичи, и для охотников. Потому что рано или поздно из своры охотников обязательно кто-нибудь отделяется добровольно, становясь правителем. Это не я говорю, об этом кричит проза В. Тендрякова, этому безуспешно и кроваво учит нас жизнь. Рассуждая о власти, о Сталине, о не-Сталине, мы неосознанно продолжаем числить их всех как бы от бога нам данными, а они — из нас, они — мы. Правитель — лишь образ народа, его, если хотите, истинное, без прикрас и самообмана лицо. Здесь нет и не может быть разрыва — народ-де такой, а правитель этаким. Эту непрерывность чувствует В. Тендряков.

«— Мы считаем, что «черные вороны» Сталина — причина испорченности народа, — вспомнит В. Тендряков в «Люди и недюды» свой диалог с Овечкиным, диалог, вполне превосхитивший наши сегодняшние дебаты. — Страхом, видя ли, заразили, поколения должны выгореть, чтоб исчез сей порок. А может, все наоборот — оттого и «черные вороны» стали рысать по ночам, что сам народ был подпорчен — покорностью, безынициативностью, той же разбойной трусостью».

ЛИЧНОСТЬ — общество, общество — правитель, правитель — режим, режим — общество, общество — личность — из этих противостояний соткана психологическая ткань прозы В. Тендрякова. На них построено все. Они — основа миропонимания писателя. И нет им ни конца, ни начала, вернувшись к которому можно было бы начать жить с нуля. С нуля уже ничего не получишь. Нужно идти, начиная движение с той точки, где мы сейчас оказались. Нужно учиться разгибать спину, но прежде нужно понять старую-престарую истину:

«Мы все воедино связаны друг с другом, жизненно зависим друг от друга — в единичку не существуем, — а потому самосовершенствование каждого лежит не внутри нас: мое — в тебе, твоё — во мне!».

По силам ли нам понять это?

Евг. КАНЧУКОВ

КОМИССИЯ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ ВЛАДИМИРА НАРБУТА

Секретариат правления СП СССР образовал комиссию по литературному наследию Владимира Нарбута в следующем составе: Н. В. Панченко — председатель, Н. С. Бялосинская — секретарь, члены комиссии: Л. В. Берловская, О. М. Дмитриев, В. В. Никитенко, В. С. Крюков, В. Я. Лазарев, Л. А. Озеров, А. В. Преловский, Л. И. Скорино, Т. Р. Романова, В. С. Фогельсон, М. М. Числов, В. В. Шкиловская-Корда.

КОМИССИЯ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ ЮРИЯ ОКУНЕВА

Секретариат правления Союза писателей РСФСР образовал комиссию по литературному наследию Юрия Окунева в следующем составе: В. Ф. Боков (председатель), Е. Ю. Мандрина (ответственный секретарь), члены комиссии: Т. А. Жирмунская, В. Е. Мавродиев, Л. А. Озеров, Д. С. Самойлов, А. В. Юдахин.